

SOONER WARS ALEXANDER

(1872-1952)

Происхождение псевдонима Тэффи остается непроясненным. Как указано ею самой, он восходит к домашнему прозвищу слуги Лохвицких Степана (Стеффи) «отменного дурака, которому везло».

Рассказы и сценки, появлявшиеся за этой подписью, были настолько популярны в дореволюционной России, что даже существовали духи и конфеты «Тэффи».

Излюбленный жанр Тэффи — миниатюра, построенная на описании незначительного комического происшествия.

Она рано поняла, что мир весьма далек от совершенства. Что в нем больше бед и печали, нежели радости и веселья. Изменить его устройство она не могла, она могла привнести в него свою толику добра, скрасить тяжкое существование человека улыбкой, шуткой, ироническим отношением к миру и самому себе.

Ее герои – гимназисты и телеграфисты, журналисты и чиновники, чудаки и недотепы – жили обычной жизнью обыкновенного человека, более озабоченного своей собственной судьбой, нежели судьбами огромного и зачастую непонятного мира. Читатели, узнавая себя в ее книгах, сами же над собой и посмеивались. Она же над ними не смеялась – скорее отшучивалась. Не учила и не судила, тем более не осуждала, но в то же время им и не льстила. Может быть, поэтому ее любили во всех слоях русского общества – от мелких конторских служащих до самого государя императора.

Женская судьба Тэффи была не очень счастливой. Подтверждением тому служат и многие её рассказы о любви, и особенно «Авантюрный роман»- единственное крупное прозаическое произведение.

Да и сама она признавалась: «Анекдоты смешны, когда их рассказывают. А когда их переживают, это трагедия. И моя жизнь- это сплошной анекдот, т.е. трагедия».

Умерла Тэффи в Париже 6 октября 1952.

[Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа](#)

Уделяя внимание комической стороне, Тэффи хочет не только рассмешить, но и показать всю несуразицу и пустоту того, что персонажи считают жизнью, обнажить несоответствие между высшим предназначением человека и бессмысленностью его существования.

Иронизируя над естественными слабостями человека, Тэффи не унижает его: в её юморе – горькость смеха, сострадание к человеку и боль за него. Как справедливо заметил Г.Адамович, «какое-то дребезжание слышится в её рассказах, будто от порванной струны».

**Михаил Михайлович
Зощенко**

(1895 - 1958)

На долю Михаила Михайловича Зощенко выпала слава, редкая для человека литературной профессии. Ему понадобилось всего лишь три четыре года работы, чтобы в один прекрасный день вдруг ощутить себя знаменитым не только в писательских кругах, но и в совершенно не поддающейся учету массе читателей.

Журналы оспаривали право печатать его новые рассказы. Его книги, одна опережая другую, издавались и переиздавались чуть ли не во всех издательствах, а попав на прилавок, раскупались с молниеносной быстротой. Со всех эстрадных подмостков под восторженный смех публики читали Зощенко.

Чем же объяснить столь небывалую для нашей литературы известность писателя? Чем объяснить, что Маяковский, такой придирчивый и скупой на высокую оценку, когда дело касалось кого-либо „из литературной братии“ , называл Зощенко „большим, квалифицированным и самым популярным писателем...“, что Есенин еще в 1922 году... написал, что „в нем есть что-то от Чехова и от Гоголя“ и „будущее этого писателя весьма огромно“ , а Чуковский, вспоминая время вхождения в литературу «Серапионовых братьев»... подчеркнул, что именно на книги незаметного с виду конторщика Михаила Зощенко с каждым годом все возрастал „ненасытный читательский спрос“ ?..

Михаил Зощенко нередко воспринимается лишь как писатель юморист. Действительно, читать Зощенко порою безудержно смешно. Язык рассказчика, особенно в ранних произведениях, выделяет удивительные коленца, а персонажи попадают из одного забавного или нелепого положения в другое, еще более смешное и нелепое. „Зощенковский язык“, „зощенковские персонажи“ — эти выражения давно стали синонимами смешного. Но, отсмеявшись, вдруг останавливаешься и видишь: а ведь Зощенко-то вовсе не смеется вместе с нами. Лицо его задумчиво, глаза смотрят на людей внимательно и сострадающе...

Почему же рассказы Зощенко были смешными? Потому что в нем необыкновенно живым и чутким было ощущение здоровой и чистой человеческой нормы. Словно сквозь увеличительное стекло смотрел писатель на жизнь, подносил это стекло к глазам читателя, и тот видел, как уродливы все отступления от нормы и, смеясь над этими отступлениями, над собою, постепенно пересоздавал себя в другого прекрасного человека

Зощенко писал о своем языке: «Я пишу очень сжато. Фраза у меня короткая. Доступная бедным. Может быть, поэтому у меня много читателей...»